

Танкер «Дербент»: Вызов -4

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Вызов -4 4.

После регулировки второго двигателя «Дербент» покрыл расстояние до Астраханского рейда за тридцать часов. Но на рейде произошла неожиданная заминка. К приходу судна буксир привел только две баржи, третья вышла из строя.

В радиорубке Володя Макаров тщето надрывал горловые связки, вызывая рейдового диспетчера. «Послали за запасными в Астрахань», — следовал поминутно однообразный бесстрастный ответ, вызывавший у радиста припадки бессильного бешенства.

Налитые баржи уходили на север. Грузовой шланг на «Дербенте» был вытянут и свисал над палубой гигантским ржавым хоботом. Над танкером с визгом носились чайки, отнимая друг у друга серебряную рыбную мелочь. Море, бледно-зеленое у бортов корабля, к горизонту синело, сливаясь с эмалью неба. Вахтенные моряки уныло прохаживались по палубе, поглядывали на север, откуда должны были появиться новые баржи.

Штурман Касацкий, наскучив ожиданием, побежал разыскивать капитана.

— Вообразите, — заговорил он, появляясь в дверях кают-компании, — на этот раз мы сэкономим пять часов в пути... Надо бы козырнуть перед пароходством, ей-богу!

Евгений Степанович сидел за столом, помешивая ложечкой в стакане. На блестящей выпуклой поверхности судового чайника он видел свое лицо, безобразно раздутое и сплюснутое, с чудовищными пунцовыми опухольями вместо щек. И, разговаривая с помощником, все косился на чайник, не в силах отвести глаз от причудливой личины.

— Не худо бы радиogramму послать пароходству, — продолжал Касацкий, — скажем, хоть так: «На основе соцсоревнования и ударничества...»

— Оставьте... — перебил Евгений Степанович с отвращением, и лицо в чайнике метнулось и покрылось рябью морщин, — фабрикация

фальшивых бумажек... Стыдно, Олег Сергеевич!

– Душа моя, да ведь это чистая правда, – улыбнулся Касацкий, – почему же не извлечь из этого пользу? Давно ли мы нервничали оттого, что мы на плохом счету, а теперь – «оставьте»... Впрочем, как хотите.

– Я не хочу никого дурачить, и довольно с меня этих телеграмм. – Капитан возбуждался все более с каждым своим словом, как человек, внезапно отважившийся высказать вслух свои мысли. – Поймите же наконец, что все эти трескучие донесения – просто ложь, гадость, неприлично! Соревнование только началось, и мы с вами тут ни при чем. Поймите!

Как это всегда бывало с ним в редкие минуты гнева, Евгений Степанович нетерпеливо ожидал возражений, которые как бы поддерживали его, подтверждали справедливость его возмущения. Но Касацкий умолк, и лицо его изображало испуг и кроткое недоумение.

– Мне не приходило в голову, что вы можете так истолковать все эти пустяки, – сказал он печально. – Может быть, я пересолил немного, стараясь изобразить дело в лучшем свете. В управлении пароходства сильно обеспокоены неудачным началом навигации. Кого-то из капитанов уже сняли с работы, я слышал. А я бы не хотел другого командира, скажу вам откровенно.

– Вы говорите – сняли с работы? – переспросил Евгений Степанович.

– Мне как-то больно подумать, что вас могли бы...

Честный служака, почтенный человек! У меня к вам особое бережное чувство есть, скажу откровенно.

– Милый мой, да разве я не вижу? – пробормотал Евгений Степанович. – Поверьте, я очень ценю ваше отношение, но меня беспокоят все эти отписки. Как будто мы уж слишком злоупотребляем ими за последнее время. Ведь, если говорить по совести, мы сами виноваты во многом. Вот на мель садимся у причалов... Кто же виноват? А историю с водяным балластом помните? Да что говорить!

Касацкий мигом успокоился и присел к столу.

– Да, да, я согласен, – сказал он нетерпеливо, – у кого же не бывает промахов? Но сейчас как будто намечается перелом.

Старший механик не пустил свободных людей на берег и перебрал двигатели. Он не имел права лишать людей отдыха, но на это надо закрывать глаза.

– Он мне докладывал.

– И наверное, смотрел на вас волком. Дескать, презираю вас, но вынужден разговаривать. Не нужно обращать на это внимание, он человек со странностями. Я, например, всячески даю ему понять, что я вовсе не осколок прошлого, каким он считает меня, а в доску свой парень. Ха-ха! Да так оно и есть, конечно. Для меня, дорогой Евгений Степанович, соревнование было своего рода откровением. Удивительно универсальный метод обработки любого человеческого материала. Пущены в ход все дальнбойные орудия человеческой морали, даже такие вечные, как «слава» и «доблесть».

В самом слове «вызов» есть что-то старомодное, но красивое и сильное. Право же, мне кажется, что сейчас у наших людей новое, осмысленное выражение появилось на лицах. Одним словом, я – за.

Евгений Степанович слушал молча. Им уже овладело то неопределенное, пассивное состояние духа, какое бывало у него во время разговора с помощником. Он мог только следить за неожиданными поворотами мысли собеседника, и за этими поворотами, как в нескончаемом лабиринте терялись его собственные ощущения.

– Так вы думаете, что наступил перелом? – спросил он задумчиво.

– Несомненно. И надо сделать все возможное, чтобы развить успех. Многое зависит от береговых организаций. У диспетчеров есть свои любимцы, вроде «Агамали». Образцовое судно получает все в первую очередь. Значит, надо создать «Дербенту» репутацию образцового судна. Если послать пароходству телеграмму, как я сказал...

– Что же, я не против. Давайте составим, – согласился Евгений Степанович, он чувствовал раскаяние за горячность, и ему хотелось поскорее уступить, чтобы загладить вину перед помощником.

– Напишем кратко и достойно, – сказал Касацкий, вынимая

блокнот. — На основе соцсоревнования и ударничества нам удалось повысить коммерческую скорость... Так будет искренне и без всякой назойливости. Правда?

Он дописал телеграмму и протянул ее Кутасову. Прошелся и остановился перед иллюминатором, покачиваясь на каблуках. Капитан морщил лоб, читая телеграмму.

— Хорошо, — сказал он наконец, — так будет действительно вполне достойно.

— Еще одно, — сказал Касацкий, зевая, — кто-то предложил ликвидировать четырехкратный запас горючего для дизелей. Басов считает, что если убрать с танкера лишнее горючее и разный хлам, то можно увеличить полезную грузоподъемность судна на триста пятьдесят тонн. Хорошо придумано. Я хотел вас предупредить, чтобы вы не вздумали противиться.

— Позвольте, — удивился Евгений Степанович, — вы хотите убрать запас горючего?

— Оставить только на один рейс, Евгений Степанович...

— Да, как это, помилуйте?

— Ну, так я и знал, — усмехнулся Касацкий, — скажите лучше: зачем мы возим четырехкратный запас?

— На всякий случай. Мало ли зачем. Все так делают...

Касацкий зевнул.

— Рейсового запаса более чем достаточно даже при штормовой погоде, — сказал он мягко, — а триста пятьдесят тонн за рейс — это составит в месяц три тысячи, а за навигацию около двадцати тысяч сверх плана. Дело ясное.

— А не опасно?

— Безусловно опасно. Рискуете получить премию и благодарность от Годояна. Ну, договорились?

— Пожалуй.

— Басов говорит, что можно значительно перевыполнить план, если мобилизовать все скрытые средства, — сказал помощник задумчиво. — Похоже, что он прав. Во всяком случае, он уже откопал одно средство. И пожалуй, сделает большую карьеру этот, невзрачный чужак, вот увидите. Powestler